

БОРИСОГЛЕБСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 ГОДА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ВОЕННЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В. Ю. Рылов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 апреля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена вопросам изучения некоторых аспектов военной, политической и социальной истории России периода гражданской войны 1917–1922 гг., их конкретных проявлений в виде антибольшевистских крестьянских восстаний на начальном этапе гражданской войны в 1918 г., связанных с проведением продовольственной диктатуры и мобилизаций в Красную армию. Рассмотрены предпосылки, ход и результаты восстания мобилизованных унтер-офицеров в городе Борисоглебске Тамбовской губернии.

Ключевые слова: Тамбовский край, революция и гражданская война в России 1917–1922 гг., военная, социальная, политическая история России.

Abstract: this article focuses on the study of some aspects of the military, political and social history of Russia in the Civil War period 1917–1922 years, their specific phenomena in the form of anti-Bolshevik peasant uprisings at the very beginning of the Civil War in 1918 year; related to the agricultural requisitioning and mobilizations to the Red Army. This article focuses the prerequisites, course and results of the uprising of mobilized non-commissioned officers in Borisoglebsk town, Tambov province.

Key words: Tambov region, Revolution and Civil War in Russia 1917–1922 years, military, political and social history of Russia.

Массовые восстания города и деревни против большевистской системы имели место уже в первый год ее существования. К осени 1918 г. они охватили 138 уездов губерний центральной России, т. е. примерно половину их общего числа [1, с. 261]. Восстания были вызваны рядом факторов: началом продразверстки, а также произволом и злоупотреблениями комбедов и вообще партийных, советских органов, продотрядов и массовых мобилизаций в РККА. Летом 1918 г. восстания прокатились по крупным городам, наиболее значительными были восстания в Ярославле, Тамбове, Ливнах и др. Весьма активен был также протест мобилизуемых крестьян. Именно восстания мобилизованных в городах как бы объединяют протест сельского и городского населения.

Первые восстания в Тамбовской губернии произошли в начале 1918 г. в Елатомском уезде. В уездном городе Елатье ЧК раскрыла белогвардейский заговор, в результате чего было арестовано 80 человек, в том числе бывшие офицеры, деятели революционной демократии, члены городской думы и т. п. [2, с. 123–124]. В конце января Елатья была взята красным отрядом в 500 штыков и сабель при трех орудиях [3, с. 71]. В том же уезде имело место кре-

стьянское восстание в с. Сасово, в котором участвовало около 500 чел. Причиной восстания был вывоз хлеба из уезда. Восстание было подавлено кавалерией красных [там же]. В апреле 1918 г. вспыхнуло восстание в селе Арапово Тамбовского уезда. По свидетельству члена мобилизационной комиссии и инспектора кавалерии 11 армии Ф. Ф. Стржалковского, командир большевистских отрядов в Тамбове В. И. Киквидзе получил из Москвы задание произвести мобилизацию лошадей и сформировать кавалерийский полк. В результате вспыхнуло стихийное восстание, в котором участвовало «мужиков тысяч 20». Крестьяне были разогнаны атакой кавалерии при поддержке конной батареи [4, с. 96]. Но это были пока единичные вспышки восстаний.

В наиболее активную фазу восстания в Тамбовской губернии развернулись с лета по декабрь 1918 г. в Борисоглебском, Кирсановском, Козловском, Лебедянском, Моршанском, Спасском, Тамбовском, Усманском, Шацком уездах, т. е. охватили почти всю губернию.

Одним из таких восстаний стали события 4–5 октября 1918 г. в Борисоглебске, уездном городе Тамбовской губернии.

Источниками данной работы послужили, главным образом, фонды Тамбовского и Борисоглебского военных комиссариатов [5; 6].

Указанное восстание упоминалось в литературе наряду с другими подобными восстаниями [7, с. 195–200; 8, с. 178–179].

Как уже говорилось, обстановка в Борисоглебске и уезде была беспокойной. Например, 18 мая 1918 г. части из Борисоглебска участвовали в боях с казаками в районе железнодорожной станции Арчеда в составе от 1 Социалистического полка 100 чел. и 2 орудия, от 6 Заамурского полка 100 чел. при 1 пулемете, от Железнодорожной боевой дружины 100 чел. при 1 пулемете и от Автобазы 1 броневой автомобиль [6, д. 23, л. 10]. Тогда же в мае в связи с потерей контроля большевиков над Донской областью было решено за счет волостных советов «организовать Красную армию не менее одной роты» и «поставить на учет бывших офицеров», а комиссии по борьбе с контрреволюцией заняться высылкой неблагонадежных в «северные города». А 27 мая военкомом был заслушан доклад начальника штаба указанного сводного отряда Волокитина о поездке на Дон «как командированного для подавления контрреволюционной банды» [там же, л. 26 об., 33.]

Интересно отметить, что в Социалистическом полку была создана особая команда для борьбы с контрреволюцией. Из-за слабой дисциплины и ненадежности новой революционной армии было решено создать «образцовую роту Борисоглебского социалистического полка» из «отряда матросов (бывший штаб летучего отряда) и сознательных солдат рабоче-крестьянской армии... с самодисциплиной – опорой местного совета». Тогда же началась выработка новых уставов и отменена выборность командиров, были введены знаки различия, делались попытки унифицировать форму одежды красноармейцев и т. п. [там же, л. 33, 36 об.]. Большевики начинали создавать свою собственную армию, одновременно распуская старую. Первоначальная опора на добровольцев при создании РККА в начале 1918 г. себя не оправдала, и уже в мае большевики заявили о начале мобилизации.

Летом 1918 г. части Всевеликого войска Донского вышли на границу Тамбовской губернии, бои шли недалеко от Борисоглебска. Формируемые в Борисоглебске части РККА участвовали в боях за Царицын, в районе Поворино (Воронежская губерния), Косарка, Алексиково (Область войска Донского), белые, в свою очередь, пытались наступать на Борисоглебск [там же, д. 10, л. 51].

Чувствуя нарастающие опасности, советские власти издавали всевозможные приказы, стараясь предотвратить будущие восстания в тылу наступающей армии. Так, Борисоглебский комендант С. Попов издал 19 июня приказ, согласно которому «грабители, бандиты, погромщики, поджигатели, спекулянты, взяточники и все призывающие к погрому и к свер-

жению Советской власти будут расстреливаться на месте», также «расстрелам на месте» подлежали лица, не зарегистрировавшие и скрывающие оружие, пользующиеся подложными документами и открывающие «беспричинную стрельбу» [там же, д. 17, л. 13]. Тогда же город и уезд были объявлены на военном положении. Участились обыски, расстрелы, сопровождавшиеся всевозможными насилиями и грабежами, в связи с чем комендант города издал приказ о борьбе с самоуправством [там же, л. 30]. Все это также создавало почву для недовольства.

Эти приказы были реакцией на антибольшевистское восстание в Тамбове 17–19 июня. Вследствие восстания мобилизация в губернии была приостановлена, хотя в отчете губвоенкома отмечалось, что в указанное время в Борисоглебске она проходила нормально [5, д. 1, л. 11].

Непосредственной причиной Борисоглебского восстания, помимо всех прочих, был приказ № 602 от 30 июля 1918 г. нарквоенмора Л. Д. Троцкого, в котором говорилось следующее: «Унтер-офицер! тебя призывает страна, для рабочей и крестьянской армии нужен честный, серьезный, крепкий комсостав. Часть старого офицества добросовестно работает над делом создания военной мощи Советской республики. Но это незначительное меньшинство. Но большая часть не хочет служить рабочему классу. Этим противников советской власти мы заставим быть военными инструкторами (учителями). Но мы не можем вручить им командные права. На командные посты Советская власть призывает вас, бывшие унтер-офицеры. ...Всякий унтер-офицер, находящийся в рядах К[расной] А[рмии], как добровольно, так и принудительно, переводится на должность взводного командира» [6, д. 10, л. 195 об.].

В начале августа в военных учреждениях губернии распространялись и другие приказы Троцкого. Например, в приказе № 616 от 5 августа 1918 г. говорилось: «Трусам и пройдохам не может быть места в революционной армии, для них найдется надежное место в тюрьме или концлагере» [там же, л. 193]. Тогда же Троцкий информировал Тамбовского военкома по радио о том, что «бывшее офицество» участвует в белогвардейских мятежах, а «военруки перебегают на сторону врагов, освежая традиции Тушинских перелетов» [там же, л. 195 об.].

13 августа 1918 г. «губернский военный диктатор» (губвоенком) Саянов издал приказ: «Борисоглебскому военному комиссару приказываю всех явных контрреволюционеров, бандитов, хулиганов и др. преступный элемент, а также всех распространяющих ложные провокационные слухи, наводящие панику на обывателей, ведущих преступную агитацию против Советской власти, расстреливать на месте» [там же, л. 187].

Уже 22 августа Борисоглебскому уездному военному поступило приказание Высшей военной инспекции, в котором констатировалось, что «некоторые мобилизованные не явились на сборные пункты и в мобилизационные комиссии, часть уходила со сборных пунктов», «некоторые изменники самовольно покидают части» и т. п. В связи с этим Высшая военная инспекция приказывала: «Принять меры к задержанию, сопротивляющихся расстреливать на месте. Из дезертиров составлять штрафные части с отправкой на фронт на опасные участки. В семьях, домах, учреждениях, которые укрывают дезертиров или прикосновенны к укрывательству, мобилизовать все мужское население 18–40 лет. Способных к работе женщин, укрывающих дезертиров, привлекать на работы в санитарные и проч. военные учреждения, на уборку нечистот, на чистку улиц с красноармейским довольствием и содержанием» [там же, л. 202]. 2 сентября 1918 г. вышел аналогичный приказ военного руководителя Борисоглебского района Поворинского фронта (одного из участков Южфронта в Воронежской губернии) Кунакова и военного комиссара фронта по г. Борисоглебску Рожкова о том, что выступления против власти, а также «бесчинства и беспорядки» будут караться расстрелом [там же, д. 22, л. 3].

Накануне восстания, 29 сентября 1918 г., в «Еженедельнике чрезвычайных комиссий» отмечалось: в случаях «белогвардейских и кулацких выступлений в деревне» «активные руководители белогвардейцы – бывшие офицеры и кулаки – успевают скрыться, а ответственность за последствия ложится на спровоцированных малосознательных крестьян» [9, с. 86]. Эта версия чекистов не была лишена оснований. Как отмечает А. В. Посадский, «осенью 1918 г., во время массовых крестьянских восстаний на Тамбовщине, повстанческие отряды по крайней мере Тамбовского и Борисоглебского уездов организованно двигались на соединение с наступающими донскими казаками», а военруками крестьян зачастую выступали бывшие офицеры [8, с. 167].

3 октября накануне восстания в Борисоглебск прилетел на аэроплане Тамбовский губвоенком Саянов. Тогда же в полдень он улетел в направлении Балашова [5, д. 1, л. 139]. Тамбовские власти подозревали его в дезертирстве и в «тушинском перелете» к белым, о чем еще летом предупреждал Троцкий в вышеприведенном распоряжении. Действительно, как впоследствии выяснилось, Саянов улетел не в Балашов, а в Новочеркасск, т. е. к белым казакам, заодно прихватив с собой 2 миллиона рублей. Советские военные власти подозревали его в соучастии подготовки восстания [10, с. 19; 11].

Собственно, утром 4 октября 1918 г., в день начала восстания, Борисоглебский военком Воробьев

издал «Экстренный приказ по всем частям гарнизона города Борисоглебска»: «До меня доходят слухи, что в среде... мобилизованных солдат, унтер-офицеров и бывших офицеров стали появляться отдельные личности, которые стараются тонко вести агитацию против Советской власти, против лиц командного состава, стремятся посеять смуту для того, чтобы создать явления, которые можно было наблюдать два месяца тому назад (речь шла о вышеприведенных событиях конца августа 1918 г., вызвавших репрессивные приказы. – В. Р.)». На командиров возлагалась ответственность по предотвращению восстания вплоть до расстрела [6, д. 22, л. 81].

Вот как описывал события восстания Воробьев в телефонном разговоре с секретарем Тамбовского губвоенкома Мохначевым 6 октября 1918 г.: «В 10 часов 15 минут утра (4 октября. – В. Р.) вспыхнул мятеж у вновь мобилизованных унтер-офицеров количеством 500 с лишним человек (1500 по другим данным, о чем речь пойдет ниже. – В. Р.). К ним присоединились некоторые из частей местного гарнизона, быстро разломав склад с оружием, забрав пулеметную команду и 2 орудия, решились свергнуть Советский командный состав, убрать всех евреев, вплоть до центра (речь шла об антисемитских лозунгах, широко распространенных во время восстаний 1918–1919 гг. – В. Р.). Я оставил вместо себя тов. Антонова и помощника Военрука Петрова, бросился с комендантской полуротой для подавления последнего, рассыпав ее в цепь за построениями и поставив отряд в 10 человек в Чрезком (уездную ЧК. – В. Р.). ...отправился в лагерь мятежников, оттолкнул председателя собрания с трибуны, приказал немедленно разойтись... и сдать оружие, но был схвачен ими и приговорен к расстрелу, под штыками и ударами прикладов делал распоряжения в их пользу. Но я аккуратно успел передать Коменданту ПОПОВУ и отвести полуроту, которую хотели окружить повстанцы, для охраны центра (города. – В. Р.), повстанцы сейчас же хотели идти арестовать Исполком, Комитет Партии и др. учреждения, меня посадили под стражу, но выбранный митингом Военрук все время пытался убедить банду, чтобы меня расстреляли, я бежал в окно и, пробравшись в центр, собрал кое-какие силы, стал защищать Военный Комиссариат и др. учреждения, но силы таяли с каждой минутой и тов. Антонов, командующий некоторыми цепями, решительно ничего не мог поделать с мятежниками, по телефону передали, чтобы мы сдались, им был дан ответ, революционеры не сдаются и защищаются до последней капли крови. Они открыли артиллерийский огонь по Военному и Чрезкому, и имеющиеся у нас силы в беспорядке отступили, и я с большим трудом под страхом расстрела мог их только останавливать. Комиссар Рожков и командующий фронтом (речь идет

о «Поворинском фронте». – В. Р.) Ролько вызвали с фронта войска, стали решительно..., подвергаясь постоянно личной опасности, всю ночь обнаруживали и ловили зачинщиков, мятежников. Утром перешли в наступление и быстро ликвидировали мятеж. В Чигоракскую волость тов. Антоновым послан карательный отряд, быстро ликвидировал дело с последними повстанцами» [5, д. 1. л. 139].

Борисоглебские «Известия» так описывали указанные события: «4 октября вновь мобилизованные унтер-офицеры с некоторой частью темных солдат в Борисоглебске восстали с целью захватить себе власть... Кучка заговорщиков действовала по определенному плану; выбрала даже свое правительство, военного комиссара и руководителя, причем последний уже расстрелян; остальных, вероятно, ждет та же участь». Восставшими убит «видный член исполкома» Николай Савин, когда шел к исполкому. Город обстреливался «шрапнелями и снарядами», арестованных мятежники били прикладами, пугали расстрелом. «Много мятежников скрывается в частных домах и разбежалось по деревням», из уездной тюрьмы были выпущены заключенные [12, с. 1].

Таким образом, восстание было подавлено за двое суток. К восстанию мобилизованных примкнула часть гарнизона. Немедленно победители приступили к репрессиям: «Сейчас совместно с Чрезкомом расстреливаем зачинщиков мятежа, работает Следственная Комиссия, арестованных некуда девать, тюрьма полна, гауптвахта полна, помещаем временно в вагонах, прислали роты дезертиров из Новохоперска, разрешите переслать их в Орел» (там располагался крупный концлагерь, функционировавший еще с 1915 г. – В. Р.), – сообщал Воробьев [5, д. 1, л. 139].

Во главе восстания стал помощник борисоглебского военрука Родиков, который был расстрелян красными. По свидетельству участника событий в восстании участвовало до 1500 унтер-офицеров, а не 500, как указывал военком [8, с. 24]. Косвенно это подтверждается в отчете губчека, в котором говорится о том, что было арестовано более 600 чел., притом что имелись и избежавшие ареста, а скрывшиеся унесли с собой 2 из 20 захваченных ими пулеметов. Среди организаторов восстания было и два уволенных чекиста, подлежавших мобилизации [13, с. 363]. Были арестованы или сдались почти все активные участники восстания, а из захваченных руководителей «пострадало только 42 человека», остальные были помилованы. Правда, не понятно, расстреляли ли их всех или ограничились другими наказаниями. Со стороны красных было 4 убитых и 9 раненых, со стороны восставших потерь было значительно больше. 7 октября победители торжественно хоронили жертв восстания со своей стороны [12, с. 1].

После подавления восстания военные власти проводили следствие. Согласно приказу № 4 Революционного военно-полевого трибунала 9 армии Южфронта от 21 октября 1918 г. Борисоглебский уездный военный комиссар Антонов, «ввиду возбужденного против него следствия в связи с унтер-офицерским мятежом», отстранялся от должности. Также отстранялся от должности на время следствия председатель Военно-революционного железнодорожного комитета ст. Борисоглебск Ольховский за то, что, «занимая крайне ответственный пост, не выполнил лежавших на нем обязанностей во время мятежа..., что выразилось в отказе своевременно послать помощь советским учреждениям и войскам в борьбе против мятежников» [6, д. 10, л. 387]. А 3 ноября Чигоракский волостной военный комиссар Грудинин за «непроявление достаточного гражданского мужества», выразившееся «в подписании подписки в присоединении» к восставшим, был лишен права в течение одного года занимать должности в советских учреждениях [там же, л. 454 об.]. А в списке лиц, лишенных гражданских и политических прав по приговорам Борисоглебского гарнизонного суда на ноябрь 1918 г., значился 71 человек [там же, д. 22, л. 164]. Другими словами, репрессиям подверглось сравнительно немного лиц, причем с обеих сторон.

Но были и те, кто был поощрен «от имени Совнаркома». Например, согласно приказу Борисоглебского уездного комиссара по военным делам от 11 октября 1918 г. была объявлена благодарность Николаю Спокойскому-Францевичу за то, «что во время противосоветского мятежа..., находясь при мне, под шрапнельным огнем своими энергичными распоряжениями помогал мне и способствовал скорейшему окончанию и ликвидации мятежа», начальнику инструкторской школы Карамзину, помощнику коменданта Иосифу Михайлову-Манусевичу, Ивану Яковлеву «за его достойный и примерный ответ мятежникам по телефону», солдату 1 Кавалерийского Борисоглебского полка Чистозвонову, «который во время обстрела артиллерией военного комиссариата подвозил приказы советским работникам», командиру кавалерийского полка Скубакову, начальнику пулеметной школы Феодосию Цикалиоти «за сознательное отношение и временную порчу нескольких пулеметов» и др. [там же, л. 100].

Интересно отметить, что вышеупомянутый завод отделом формирования и обучения Борисоглебского военкома Николай Евгеньевич Спокойский-Францевич был полковником, командовавшим полком в Первую мировую, впоследствии перебежал к белым и умер в эмиграции [14], а Ф. Цикалиоти, ротмистр в Первую мировую, был репрессирован по делу «Весна» в 1931 г. [там же]. Можно сказать, что ключевую роль в подавлении восстания сыграл А. С. Ролько, в

то время командующий 2 Курской стрелковой дивизией на поворинском участке Южфронта, именно его дивизия, снятая с фронта, подавила восстание. Интересно отметить, что Ролько был штабс-капитаном, окончившим Академию Генштаба в 1918 г., добровольно вступил в РККА. В годы гражданской войны перебежал к белым, но потом опять возвратился к красным [там же].

Как уже говорилось, восстание мобилизованных унтер-офицеров было поддержано частью гарнизона. Нет нужды специально объяснять, что указанные категории – унтер-офицеры, солдаты Первой мировой, равно как и красноармейцы – в значительном числе являлись крестьянами. Другими словами, вопрос об одной из социальных опор большевизма – солдатах Первой мировой войны, крестьянах, которым большевистская революция якобы «дала» мир и землю, нуждается в корректировке. Лишь упорство ядра сторонников советской власти позволило переломить ситуацию, дождавшись снятых с фронта войск.

Восстание началось тогда, когда на Южфронте шли бои, в результате провалилось наступление красных, назначенное на 3 ноября. Затем последовал прорыв белых на юг Тамбовской губернии. Как отмечает А. В. Посадский, «согласно плану наступления Южного фронта от 30 октября 1918 г. ударную группу в районе Борисоглебска должны были составить войска резерва командующего фронтом». Формирование этих войск затягивалось из-за крестьянских восстаний и вообще их ненадежности, а 11-я Нижегородская дивизия перешла на сторону белых [8, с. 117–118, 119]. 20 декабря 1918 г. белые взяли Борисоглебск, а «взятию города способствовали белогвардейцы из жителей Борисоглебска, открывшие стрельбу по красноармейским частям» [там же, с. 166].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что крестьянские восстания и их разновидность восстания мобилизованных как бы объединяли широкий протест сельского и городского населения, людей разных политических взглядов и социального положения. Однако локальность восстаний, отсутствие надежной связи между восставшими, слабый контроль за коммуникациями не позволяли повстанцам развить успех и в конечном итоге победить.

Воронежский государственный университет
Рылов В. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения
E-mail: vyurylov@ya.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне / Т. В. Осипова. – М. : Стрелец, 2001.
2. Красная книга ВЧК : в 2 т. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1989. – Т. 2.
3. Кузнецов М. В. Крестьянские восстания в Рязанской губернии в 1918 году / М. В. Кузнецов // Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. науч. работ / отв. ред. Б. В. Горбунов ; Ряз. обл. ин-т развития образования. – Рязань, 2005.
4. Рылов В. Ю. Антоновское восстание в документах Государственного архива Воронежской области / В. Ю. Рылов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота : в 2 ч. – Тамбов, 2017. – № 6 (80). – Ч. 2.
5. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. 2381. – Оп. 1 (Тамбовский губвоенком).
6. ГАВО. – Ф. 2183. – Оп. 1 (Борисоглебский увоенком).
7. Посадский А. В. Антибольшевистское восстание в Борисоглебске Тамбовской губернии в 1918 г. / А. В. Посадский, В. Ю. Рылов // Воронежский вестник архивиста : научно-информационный ежегодник. Вып. 20 / Управление делами Воронежской области ; Воронежское областное отделение Российского общества историков-архивистов. – Воронеж : Фортуна, 2022.
8. Посадский А. От Царицына до Сызрани : очерки Гражданской войны на Волге / А. Посадский. – М. : АИРО–XXI, 2010.
9. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Док-ты и мат-лы : в 4 т. Т. 1. 1918–1922. Док-ты и мат-лы. – М. : РОССПЭН, 1998.
10. Никулихин Я. На фронте гражданской войны (1918–1921 гг.). Очерки и воспоминания / Я. Никулихин. – Пг. : Прибой, 1923.
11. Хайруллин М. А. Летим на юг! Черный список Красного воздушного флота / М. А. Хайруллин // Родина. Российский исторический журнал. – 2011. – № 2.
12. Известия Борисоглебского Совета. – 1918. – 9 окт. – № 79.
13. Крестьянское движение в Тамбовской губернии 1917–1918. Док-ты и мат-лы. – М. : РОССПЭН, 2003.
14. База данных «Офицеры Русской Императорской армии». – URL: <https://www.ria1914.info/index.php> (дата обращения: 16.12.2023).

Voronezh State University
Rylov V. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of Modern Russian History,
Historiography and Documentology
E-mail: vyurylov@ya.ru